

УДК 321.022

Хабаров И. А.

*Аппарат Общественной палаты Тамбовской области
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 118, Российская Федерация*

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОШЛОГО В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА: «IT'S NOT EVEN PAST» (К ВОПРОСУ АКТИВАЦИИ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ РЕЗЕРВОВ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление политического потенциала единиц прошлого в процессе формирования и структурирования пространства.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов к оценке категорий прошлого относительно настоящего и будущего в контексте организации и реализации символической власти.

Результаты. В ходе работы были выявлены особенности использования единиц прошлого при формировании комплексного материального и нематериального пространства в стратегических и тактических целях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования представляют авторский вклад в развитие теории политического пространства и самоорганизации сообществ, могут быть использованы при проведении политических кампаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

формирование пространства, освоение пространства, сообщество, управление прошлым, символические ресурсы

I. Khabarov

*Office of the Public Chamber of the Tambov region
ul. Sovetskaya 118, Tambov 392000, Russian Federation*

THE SYMBOLIC POTENTIAL OF THE PAST IN THE PROCESS OF CONSTRUCTING SPACE: "IT'S NOT EVEN PAST" (ON THE ISSUE OF ACTIVATING SYSTEM-FORMING RESERVES)

ABSTRACT

Aim. The purpose of this article is to identify the political potential of the units of the past in the process of formation and space structuring.

Methodology. The main content of the study is represented by the analysis of approaches to assessment of the categories of the past relative to the present and the future in the context of organization and implementation of symbolic power.

Results. Within the framework of this study, peculiarities of use of units of the past in the formation of complex material and non-material space for strategic and tactical purposes were revealed.

Research implications. The results of the research represent the author's contribution to the development of the theory of political space and self-organization of communities. They can be used in conducting political campaigns.

KEYWORDS

space formation, space development, community, management of the past, symbolic resources

ВВЕДЕНИЕ

Темпоральное измерение политических процессов представляется одним из перспективных направлений реализации исследовательской активности. Актуальный ландшафт пространства жизнедеятельности современных сообществ формируется как физическими единицами, так и заинтересованной коммуникацией, при этом развитие информационных технологий принципиальным образом меняет скорость взаимодействия акторов (обменных процессов), горизонтальной и вертикальной коммуникаций, предоставляет новые возможности инженерии символического пространства. В этой связи сфера политического и административного управления, равно как и конкуренции и компромиссов, не только включает фактические единицы современности, но предполагает использование ресурсов различных сегментов стрелы времени. Современность предлагает убедительные примеры работы с символами прошлого, не только трансформирующие представления об отдельных явлениях и событиях, но и формирующие мироощущения и устойчивые модели поведения.

Работа с единицами прошлого осуществляется в пространстве символического. В этой части в статье находят отражение элементы теоретических моделей П. Бурдьё [2] и М. Эдельмана [18]. Работа с категориями прошлого в их взаимосвязи с настоящим и будущим в авторской модели предполагает обращение к наследию Н. А. Бердяева¹, М. Хайдеггера², Ж.-П. Сартра³, А. Шопенгауэра⁴. Отчасти здесь же затрагивается важная проблема индивидуальной и коллективной памяти. Среди других исследований, посвящённых памяти, назовём работы А. Ассман⁵, П. Рикера⁶, а также работы Д. А. Щербакова [17], К. П. Швецова [16], Л. П. Репиной [12], О. Ю. Малиновой [8]. Закономерным образом указанные сегменты проблемного поля имеют прямое отно-

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.

² Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: АСТ, 2012. 925 с.

⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. 672 с.

⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

⁶ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

шение к вопросам развития исторического знания⁷, позиционирования его носителей в политическом пространстве.

Целью настоящего исследования выступает выявление политического потенциала прошлого в его различных ипостасях в процессе формирования пространства и его структурирования. Для достижения указанной цели предполагается последовательно решить задачи, связанные с рассмотрением проявлений единиц прошлого в настоящем и перспективе будущего, а также с оценкой использования потенциала единиц прошлого в контексте реализации практик освоения пространства и ресурсов акторами сообщества. При написании статьи использовались научные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, аналогии.

ПРОШЛОЕ: МНОГОСЛОЙНАЯ СО-ВРЕМЕННОСТЬ В АКТУАЛЬНОМ СО-БЫТИИ

Важнейший сегмент символического фронта – темпоральное измерение существования пространства, управление прошлым, настоящим и будущим. Арсенал борьбы в символическом пространстве включает, как свидетельствуют результаты исследования признанного специалиста в данной сфере М. Эдельмана, метафоры, языковые обороты, эмоции и массовые страхи, которые получают выражение в конкретных насильственных / ненасильственных акциях и актах умиротворения, бенефициарами которых являются носители интересов (группы элит). При этом в оперативном смысле именно человеку (подчеркнём: гражданину «города», но не жителю «леса») присущи практики символической ревизии (рекомбинации) событий прошлого – не без влияния в области чувств [17]. Иными словами, символический фронт включает значимые и ёмкие с точки зрения инструментального воздействия вневременные категории, *объединяет редакцию прошлого и проект будущего в единой точке настоящего*.

Речь идёт о способностях, раздвигающих рамки времени и (как следствие) пространства, связывающих повседневность и прошлое, совершающих поворот к развитию и будущему [3]. Их носители активны и имеют существенные культурные (символические) резервы. Последние позволяют существовать в объективном «гражданском» настоящем, трансформируя его посредством созданных символов и смыслов вне пространственно-временных границ пространства в коридорах развития, роста и прогресса. При этом *неминуемо обращение к практикам конструирования пространства*. Неслучайно исследователи зачастую видят в актуальном сегодня «темпоральном повороте» подтекст политического конструирования матрицы прошлого, настоящего и будущего с их демаркацией [9].

⁷ Бульман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности / пер. с англ. А. М. Руткевич. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 208 с.

Прошлое как активно действующая сила – с одной стороны – и как сфера управления – с другой – традиционно и прочно находится в спектре внимания акторов символической власти, включая мыслителей, писателей, журналистов. Фразы «Прошлое не умирает, это даже не прошлое»⁸ (с последующими отсылками к У. Фолкнеру из литературы рубежа XX–XXI вв. и дополнением относительно вовлечённости во вневременные сети, преследования со стороны образов, восходящих к «тусклым драмам детства», острой восприимчивости данных образов вопреки повседневности⁹, а также уточнениями Б. Обамы относительно «не прошедшего и не похороненного» прошлого¹⁰) и «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»¹¹, выпущенные в публичное пространство в самой середине XX в. и давно переросшие изначальный контекст, собственным потенциалом сегодня продолжают доказывать *действительность и действенность*.

Лозунг генерала Флемминга «Лафайет, мы идем!» П. Бурдые посчитал достаточно иллюстративным в ходе рассмотрения ретроспективной реконструкции прошлого и приведения его модели в соответствие с задачами современности [2]. В этой связи следует привести отмечаемую К. П. Швецовым в контексте рассмотрения включения прошлого в символический порядок настоящего мыслителями XVIII–XX вв. гегелевскую позицию относительно подчинения прошлого и введения его в символический универсум настоящего. Образы здесь фигурируют в воспоминаниях и на более высоком уровне – в памяти, являются условием возникновения символического. Проведённый анализ свидетельствует о «необратимости обращённого к нам голоса прошлого»: прошлое, рассматриваемое в качестве влиятельного «хранилища следов», «системы непрерывной трансляции», «переиздания событий» зависит от средств и способов коммуникации; в качестве особых импульсов здесь выступили изобретение письменности, появление книгопечатания, создание современных электронных СМИ, интернета и пр. Данный вектор нивелирует разрыв между прошлым («вездесущим и неуловимым», субъектом «беззаконного вторжения у самого порога настоящего и определяющего динамику происходящих в нём событий») и настоящим [16]. Именно *влияние прошлого на динамику современности следует особо подчеркнуть, имея в виду динамику активного совместного бытия (материального и нематериального) сообщества и сопутствующие практики вовлечения, процессы освоения и развития пространства, горизонтальной и вертикальной коммуникации*.

⁸ Faulkner W. Requiem for a Nun. New York: Vintage Books; Random House, 1975. P. 230.

⁹ Iles G. The Quiet Game. New York: Dutton, 1999. P. 63.

¹⁰ Obama B. A More Perfect Union // American Rhetoric : [сайт]. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobamaperfectunion.htm> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989. С. 49.

Согласно Н. А. Бердяеву, прошлым считается историческая действительность, которая является действительностью подлинной и частью вечной действительности. Мыслитель указывает на ущербность «замыкания» действительности от внешнего воздействия, «разрыва» настоящим (признать существование только «нашего злого и больного времени») прошлого и будущего¹². Ю. М. Лотман относительно символической системы городского локалитета обращает внимание на сущностный городской механизм систематического воспроизводства прошлого, синхронно сопологающегося с настоящим вопреки времени¹³.

В этой связи П. Рикер подчёркивает *производительность прошлого* (человек – его прямой продукт, форма и содержание, его бытие – причащение к вечности), необходимость встречи с ним «глаза в глаза» («в лоб») в философском дискурсе и посредством памяти («припоминания» «человека могущего») ¹⁴. Человечество накапливает колоссальный запас опыта, фиксируемого широким кругом материальных и нематериальных предметов. Принципиальным вопросом являются мобилизация и демобилизация востребованных субъектом управления действенных символов; отмечаемое П. Бурдьё и проанализированное отечественными и зарубежными исследователями историческое «воссоздание» объектов [12].

С другой стороны, только в комплексе с настоящим прошедшее получает целостность и смысл. Герменевтика охватывает все аспекты интерпретаций, как отмечает Н. В. Солнцев, – *понимания* (центральное понятие) всех форм информации. Понимание мира как такового и текущих явлений современности возможно только в связи с прошлым как важнейшим обстоятельством их становления [14]. Согласно одной из версий презентизма – «пульсирующей точки настоящего» (вне линейного времени, «без хронологии»), базирующегося на специфических связях прошлого, настоящего и будущего, одно из них доминирует с учётом того или иного периода и культуры. Речь идёт, в частности, о стирании дистанции между прошлым и настоящим, бытии в «расширенном настоящем» на одномерной территории памяти. Пример Нюрнбергского трибунала (не без поправок на процессы международной политики и борьбы на символическом поле в Европе в ХХI в.) и признания преступлений *без срока давности* есть один из знаков этого состояния (подтверждение существования вечных преступников и врагов). Прошлое не только «мемориализуется», но и «юридифицируется», что является вызовом «историческому» времени [7].

Включение и исключение (оживление и забвение) единиц прошлого, работа с предметами, относимыми к истории (целенаправленное опредмечива-

¹² Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 51–57.

¹³ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 325.

¹⁴ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 11.

ние) суть контроль над временем. Данный контроль помогает обеспечить прочтение / систематизацию / организацию пространства.

Обратный процесс символического (политического) вызывания к жизни и активизации явлений, уже имевших место, – *деконструкция и выведение*, «умерщвление» прошлого в его тех или иных единицах (не вписывающихся и опасных для актуальной картины, социальной конструкции, реальности, пространства) как невозвратно утраченных предметов. Данный процесс отражает политическую борьбу, протекающую в неуловимом, но заземлённом возможностью принятия решений – т. е. действенном – настоящем, впитавшем влиятельные образы и векторы прошлого.

В этой связи стоит упомянуть понимание «прошедшего прошлого», которое мы встречаем, в частности, у Б. Бевернажа. Восприятие прошедшего (время как инструмент исключения) определённого явления учёным ставится под сомнение, т. к. неразрывно с существующими отношениями власти, их обоснованием. Прошлое тесно связано с присутствием настоящего (*presence of the present*), настоящее постоянно «колонизируется» ностальгией. Как показывает анализ посвящённых данной теме исследований, современные технические средства обеспечивают бесконечность в хранении памяти, что не позволяет «оставить прошлое позади», выяснить, что относится к настоящему, а что – к прошлому (литература, архитектура и т. д.). Миры древности, Средневековья и пр. переплетены в едином узле времени. «Не утраченное» прошлое вносит разлом в современное целостное коллективное восприятие настоящего, консолидацию относительно «нашего времени». Оно *опровергает логику «прошлого» – «несовременное» – «старомодное» – «устаревшее» (– «не существующее»)*. Факт простого хронологического предшествования не свидетельствует о прошедшем, действительном несуществовании [1]. Б. Бевернаж вполне закономерно выходит на *«рукотворные» процессы конструирования современности и прошедшего* – не только монопольную деятельность профессиональных историков, но тысяч иных акторов (иных заинтересованных и мастеровитых «рук»).

В логике представлений о следе Ж. Деррида данный феномен является обозначением как исчезновения начала, так и того, что начало вовсе не исчезло, исполняет связующую функцию между первоначалом и современностью¹⁵. Дискурс представлен множеством следов, отсылающих к первоначалу; существующий культурный ландшафт составляют знаки, смыслы, феномены, события – следы (посредники), отсылающие к тому, что его оставило [11]. Прошлое, безусловно, оставляет осязаемый след.

В контексте работы с наследием М. Хайдеггера¹⁶ показателен опыт умозрительного помещения предметов прошлого в музей и возвращения их к бы-

¹⁵ Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вступ. ст., комм. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 187.

¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

товому использованию в транзите от «исторического» к «нашему». Музейные артефакты во многом нам современны («наличествуют» в мире). Под «прошлым» или «историческим» в показательных высказываниях «от прошлого не уйдёшь» и «история всё расставит по местам» подразумевается нечто, действенное и продолжающееся, оказывающее влияние на настоящее [6]. Как отмечает Д. А. Щербаков, прошлое имеется даже у субъектов, лишённых памяти; в обыденных условиях прошлое существует вне зависимости от нашего отношения к нему (наших мыслей о нём); оно стимулирует творческую активность, довлеет и подавляет либо вдохновляет и окрыляет, утешает и тревожит, дарует гордую причастность и желание освободиться (освободиться можно только от существующего) – *демонстрирует присутствие (отношения, связи) и оказывает безусловное влияние, что актуализирует вопрос управления данным политическим действием*. Бытие в данном случае справедливо включает материальную, идеальную, социальную материи, а реальность – всё существующее материальное и духовное [17]. С одной стороны, присутствие прошлого, с другой – его влияние стимулируют процессы контроля и управления в отношении индивидуальных и коллективных акторов.

Исторична любая вещь, любая вещь обладает символическим потенциалом. Атрибут настоящего перманентно преобразуется в артефакт прошлого, попадает в фамильные предания и на страницы учебников (каталогов антиквариата, рекламные проспекты и пр.), в семейные архивы и музей, взывается к жизни как историей повседневности, так и политическим, экономическим и прочим контекстом («контекстуализаторами» – инженерами и дизайнерами пространства).

Принципиальная вилка относительно прошлого расходится в соответствии с логикой «прошлого уже нет» либо следует логике «прошлое есть / у каждого есть своё прошлое». Существующие теоретические конструкты и их отдельные элементы стимулируют дальнейшие исследования прикладного использования символических единиц прошлого.

ПРОШЛОЕ КАК РЕЗЕРВ УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ И НАПРАВЛЕНИЕ ОСВОЕНИЯ

Использование символического потенциала прошлого составляет востребованный резерв контроля не только со стороны административной власти, но и со стороны иных элит в самых различных государствах и политических системах. Зарубежные исследователи при этом зачастую используют российский материал. В числе значимых выводов, полагаем, универсальных для различных политических систем, – обращение к страницам прошлого всегда представляет собой политический процесс [19]. Как отмечает А. Ассман, разбирая примеры формирования т. н. памяти победителей в контексте

управления историей (редактирования прошлого), память тесно связана с вопросом власти и управления¹⁷.

История, таким образом, есть не «застывшая политика», а «политика сегодня» и «политика завтра». Она влияет на формирование физической и коммуникативной реальности и политический процесс *силой вызванных к жизни перманентно присутствующих в символическом пространстве сущностей*.

Прошлое, существующее безотносительно нашего восприятия его¹⁸, составляет контент, единицы которого могут быть активированы и символизированы. Символические единицы из незримого для обывателей пула прошлого могут подлежать частичной активизации и творческой рекомбинации в разрезе эпох и цивилизаций. Значимость управления историческим прошлым стимулирует введение в научный оборот понятия «клиопедия» для обозначения специфического сегмента теории и практики, нацеленного на пересмотр существующих мифов и конструирование новых, пересмотр построения системы смыслов в сообществе. Как в этой связи отмечается, клиопедия (менеджмент мифотворчества) применима в контексте политической борьбы в актуальных условиях «сдвига сознания актора в сторону самого себя» (усиление субъективного начала), укрепления приоритета личного над общественным (государственным) [10]. Мифотворчество выводит исторический процесс за пределы профессионального круга, связанного со схематизацией, выстраиванием «популярной» логики упрощённого (адаптированного) описания событий и явлений, исторического процесса. Схематизация – путь освоения во времени – прошлым, настоящим, будущем.

К. Лоренц приводит взгляд Ф. Артога на «наше дважды задолжавшее настоящее»: оно распространяющееся на будущее и прошлое через осторожность, ответственность, необратимость, наследие и долг (в первом случае), обязанность помнить, трансформацию всего сущего в наследие (во втором случае). Ф. Артог также отмечает *наслоение времён* (человек в настоящем обращается одновременно к носителям Древнего мира и прошлого века в той же мере, сколь к продуктам сферы науки и популярной культуры), режимов темпоральностей; тот или иной человек в зависимости от субъективной позиции относится к настоящему по-разному, а режимы историчности не отмирают безвозвратно и готовы к воссозданию [7]. Соответствующим образом в XXI в. вырабатываются актуальные подходы к пониманию роли профессиональных историков в современном мире [15] – с учётом наличных символических ресурсов и статусов, отношений власти в самом широком аспекте.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 289.

¹⁸ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2012. 925 с.

Каждый из слоёв («времен») со-временен человеку настоящего, обладает потенцией влияния – резервом управления и инструментом конструирования пространства и со-бытия. *Реалии множественной вариативной и прикладной (с позиций темпорального освоения-конструирования) со-временности – условие развития со-общества в систематизированном пространстве с генеральными векторами течения истории.*

Ретроградное освоение–опредмечивание связано с интерпретацией фактов, событий, явлений. Явления, одушевлённые и неодушевлённые предметы прошлого выстраиваются в процессы (логические схемы, системы, иерархии), осваиваются путём включения в рисунок символического пространства – взаимосвязанных личного и публичного. Предметы материального мира как вещественные источники наполняются символизмом и привязывают историю к настоящему, облегчают *схематизацию*. Результаты финальной систематизации и публичной схематизации (упрощение до очевидности, не требующей пояснений и доказательств) продвигаются и закрепляются в социуме посредством, с одной стороны, многоаспектной популярной культуры, с другой – формирования типа сознания, готового к её потреблению при минимальных критических реакциях (что не исключает практики бриколажного рекомбинирования). Реалии XXI в. виртуализации и цифровизации ускоряют тенденции по обоим направлениям (от комиксов – к виртуальным мирам компьютерных игр и иным виртуальным пространствам).

В оперативном порядке, повседневной динамике прошлое активно монетизируется в сопоставлении с процессами более высокого уровня, приведёнными выше, приобретая порой ироничный характер. В сфере моды эксперты отмечают явление «ретро» – повторение и имитацию старого в новых условиях, постоянную апелляцию к культурной памяти и цитирование воспоминаний, что порой порождает суждения относительно наступления «эры эксгумации» [4]. Дизайн в моде, архитектуре, убранстве помещений и пр. с использованием безграничных резервов прошлого в различных комбинациях наиболее иллюстративен, но не эксклюзивен, применим в иных сферах жизнедеятельности – от организации пространства до программных политических текстов и речей.

Показателен современный феномен винтажа: во-первых, в исходном значении наиболее ценного как наиболее старого – из сферы виноделия (тем самым более широкое звучание приобретает время «в пересчёте на личную ценность»); во-вторых, в маркировке актуального к использованию времени вопреки (например, консервация технологических атактизмов); в-третьих, это – модная старообразность («дословные цитаты» из прошлого или реплики). Стилизация («якобы старина») всегда менее бескомпромиссна и герметична, чем аутентичная старина. При этом подчёркивается не работа с прошлым, а лишь «незамысловатая» эксплуатация формы прошлого

[13], дизайнерское ироничное цитирование¹⁹. Это оправдание прошлого и подчеркнутая современность, универсальная «вписываемость» единиц прошлого в настоящее, или – *приглашение к более популярному повседневному рыночному бриколажу* в культуре, публичной политике, экономике и пр.

Упрощение и нацеленность на широкое потребление, тем не менее, за счёт «авторитета времени» («прислонённости» к ценности прошлого) приближает к внешней элитарности и «надсиюминутности», с учётом черт, присущих именно не оригиналам, но историческим репликам, – *свободы креативного дизайна, пребывания вне времени*. Феномен винтажа имеет выраженный технологичный, прикладной характер, определённую маркетинговую ценность с акцентом на знаки прошлого, претендует на аристократизм.

Это тактическое обращение к ресурсам прошлого не отрицает, а подчёркивает возможности стратегического системного и стабильного вневременного освоения (потребления) с подпиткой из культурных глубин прошлого – не атавизма и анахронизма, а точки роста.

Проводники, включая символические, формируют пласты материальной культуры, создающие окружающую человека социально-техническую среду, источающую импульсы и раздражения предыдущих времён и поколений, что, безусловно, влияет на его поведение. Материальные носители наделяются при этом свойством символизации.

Согласно подходу Р. Дебре к передаче в динамике транзита информации в исторической перспективе, сквозь пространственно-временные сферы (в сравнении с коммуникацией как переносом информации в одном пространственно-временном поле), акции «тела» (но не «техники», как порой бывает в случае коммуникации) данный процесс также связан с ритуалами и традициями, пронизывающими время и поколения, и в целом, в категориях французского исследователя, с феноменом «человека передающего». Соотнесение «когда-то» с «теперь» формирует непрерывность и, по убеждению Р. Дебре, культуру²⁰. Именно человек как носитель активной деятельности возвышается, передаёт, формирует в длинной («культурной») перспективе – управляя вещами и техникой, оперируя символами и вовлекаясь в их композицию. Передача Р. Дебре транслирует практики через поколения, делает символические системы координат с соответствующими установками и моделями поведения (грады) вневременными пространствами, имеющими своих граждан в различные эпохи.

В этом контексте интересно сопряжение теоретико-методологических систем Р. Дебре и П. Сорокина (в том числе, передачи первого и проводников второго), предложенное Е. А. Горячевой и К. П. Лазебной. Исследователи применяют красноречивый термин «long-dated символ» для обозначения

¹⁹ Dubin T., Berman A. E. Vintage Style: Buying and Wearing Classic Vintage Clothes. New York: Harper Collins, 2000. P. 73.

²⁰ Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. С. 13–62.

символических посредников, связывающих различные пространственно-временные сферы («up-to-date символ» – в пределах одной сферы). Подчеркнём, что транзит от «up-to-date символа» к «long-dated символу» приводится в контексте реализации потребительских практик и передачи во времени-пространстве коллективного опыта, знаний и культуры [5]. При этом в потребительском процессе задействуются как аутентичные («старые») вещи, так и стилизация («винтаж»).

Элементы прошлого вкладываются в линейные внешние сюжеты интерпретаторов с простыми и понятными ответами для широких слоев населения. Данные ответы призваны *обосновывать реальность в настоящем и проектировать будущее, обеспечить их легитимность*.

Актуальные условия в оперативном аспекте повышают значение носителей необходимых профессиональных знаний, соответствующего звена символического капитала – историков, пополняющих ряды «сержантов и пехотинцев символического фронта»: аналитиков и экспертов медийной сферы, политтехнологов и пр. Речь идёт о значении для политических, экономических, культурных и прочих процессов («борьба брендов» и «ситуация борьбы брендов»). В отношении носителей исторического знания, по мнению Р. Бульмана, исследовательская субъективность не влечёт ложности, но демонстрирует «точку зрения», а феномены истории не являются собственно собой в индивидуальном изолированном бытии, но значимы лишь в их отношении к будущему (лишь в будущем доказывают свою сущность и значимость). Смысл истории всегда в настоящем, а скептикам в поисках смыслов предлагается не замахиваться на мировую, а обратиться к личной истории. Исследование, с позиций Р. Бульмана, предполагает умение «вслушиваться в притязания исторического феномена»²¹ или – *владение магией взывать (с учётом субъективных возможностей историка, его индивидуальности как обстоятельств личного участия, полноценного анализа) к жизни прошлое в его отдельных проявлениях*, выстраивание контекста.

Мировая и личная истории, формирование публичного и личного пространств соответствующей генерацией смыслов взаимосвязаны. Особый эффект управления историей достигается наложением памяти в личном (семейном, родовом) пространстве и «памяти народа», совмещением семейных историй, мифов, ритуалов и символических доминант публичного пространства, бытовых и исторических / политических сюжетов («подтверждение частностями справедливости и подлинности общего как системы»).

На основании комплексного исследования О. Ю. Малинова в качестве инструментов исторической политики и политики памяти как элементов символической политики выделяет коммеморацию (управление тем, что

²¹ Бульман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности / пер. с англ. А. М. Руткевич. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. С. 141–196.

надо забыть, и тем, что надо помнить, – взывание к жизни и демобилизация единиц прошлого) с соответствующей инфраструктурой (музеи, памятники и пр.), праздниками (ритуалами), произведениями искусства [8].

Итак, распоряжение символическим капиталом предполагает сакральное (магическое) *управление временем* в измерениях прошлого, настоящего и будущего. Во-первых, настоящему («точка доступа») отводится роль принципиального контрапункта, момента управления: здесь происходит активизация единиц прошлого в необходимой конфигурации и в соответствии с реализацией актуальной повестки настоящего. Во-вторых, управление прошлым – настоящим обеспечивает управление будущим. В-третьих, данные механизмы включаются при работе с памятью – управлении мобилизацией и демобилизацией образов прошлого (условиями явления образов прошлого в сознании).

Машина освоения посредством точек доступа в настоящем следует по всем направлениям в обоих векторах стрелы времени. Обладая сущностной политической потенцией, она проявляется в интерпретациях – от мировой истории до классической драматургии (переосмысление сюжетов с отражением актуальных трендов, в том числе расовой, гендерной и иной толерантности: чеховский Фирс по-прежнему влиятелен, но испытывает очевидное влияние, будучи представлен в театральной постановке чернокожей девушкой или трансгендером).

Конструирование прошлого (освоение и присвоение, охозяивание, дизайн, схематизация и систематизация), его «включение» является важнейшим аспектом формирования актуального пространства. Оно создаёт идентичность в формате не только сообщества и города (либо национальности), но ценностного града с соответствующими идентичностями. В контексте вовлечения в социальную динамику и пространство речь идёт не о «соблазнении прошлым», но соблазнении как таковом и «соблазнении для будущего», т. е. свершившегося факта и его перспективах (следствиях).

Управление временем – есть управление не только историей, но и моделями организованного бытия (символического, коммуникативного, физического), градами. Управлять временем – признать его целостность, – в категориях Н. А. Бердяева – перешагнуть «культ будущего», предполагающий поворот от прошлого, вырваться из «мгновения сомнительного настоящего» и управлять памятью (которая есть «борьба со смертоносной властью времени во имя вечности»), потеря которой является главным признаком сумасшествия²². Недостаток памяти А. Шопенгауэр также относил к сфере безумия (как минимум – тупоумия)²³ или несистематизированного «разорванного» пространства и самоощущения в нём.

²² Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 57–58.

²³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. М.: АСТ, 2020. С. 68.

Представляется, что ретроградное освоение следует рассматривать не в качестве ухода от настоящего («прыжка в прошлое»), но в контексте *формирования символического пространства и освоения с использованием действенного инструментария влияния, активизации прошлого (его элементов) и выстраивания на этой платформе стратегических горизонтов развития, т. е. будущего*. Свобода планирования горизонтов развития, конструирования пространств (личного и публичного), настоящего и будущего в данном случае ограничивается почти бездонным пулом символических единиц прошлого (индивидуумов, поколений, народов, мировой истории) и бесконечным множеством их комбинаций / рекомбинаций.

Пространство, таким образом, имеет прямую неразрывную связь со временем – его важнейшим фактором. Время априори политично: неслучайно, по оценкам исследователей, мировые войны всегда велись не только за территории, но за распоряжение временем, «синхронизацию темпорального опыта граждан». Среди маркеров синхронизации весьма иллюстративны примеры использования в политических целях потенции «военного времени» (в т. ч. холодной войны в 1950–80-х гг., войны с терроризмом в XXI в. и пр.). В этой связи результаты эмпирических исследований среди участников войн свидетельствуют о вторжении прошлого через сны и образы в условиях ослабления рассудочного контроля, равно как об обращении к прошлому через нарративы «фронтового братства» [9]. Время войны и время мира, прошлое и настоящее для акторов в последнем случае слиты воедино.

Как и всякое освоение, ретроградное закономерно имеет стадию борьбы и согласований, конкуренции и компромиссов. Единицы прошлого в пространстве борьбы настоящего активизируются различными заинтересованными сторонами, понимающими потенцию символического ресурса и использующими символический аргумент в качестве важнейшего конкурентного преимущества, своевременного политического козыря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошлое составляет важнейший сегмент символического пространства, организующий действенными единицами комплексное пространство материального и нематериального, предоставляющий возможности оптического восприятия реальности, формирования отношения к ней и бытия в ней. Субъектом управления, конструктором реального пространства жизнедеятельности сообщества осуществляется актуализирующее (взывающее к жизни) и демобилизующее (предающее забвению), создающее и рекомбинирующее на тактическом и стратегическом уровнях действие.

Акторами влияния в данной сфере являются представители различных функциональных сфер и статусов, носители как политического (включая оппозицию, челленджеров), так и административного (укрепление режима)

интересов. Многослойность настоящего, со-временность предметов материальной и нематериальной реальности во многом характеризуют пространство со-бытия сообщества: со-производства и со-управления, вовлечения и исключения.

Управление прошлым, контроль над временем – на уровне частного пространства и публичного поля – есть политический символический акт той или иной степени интенсивности, отражающий движение машины освоения от точки обоснованного, осязаемого и легитимного настоящего к прошлому и будущему, т. е. следование в векторе вечности (бессмертия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 65–94.
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
3. Бурлина Е. Я., Наумова О. С., Гранкина Е. А. «Горожанин» – трансдисциплинарное понятие // Аспирантский Вестник Поволжья. 2016. Т. 16. № 7-8. С. 17–19.
4. Васильева Ж. В. Винтаж как реактуализация культурного наследия в индустрии моды // Электронное научное издание “Научный вестник гуманитарно-социального института”. 2019. № 8. URL: <http://science-gsi.ru> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Горячева Е. А., Лазебная К. П. Потребление как феномен передачи long-dated символов. Точки соприкосновения теории символического П. Сорокина и медиологии Р. Дебрэ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 108–120.
6. Демин И. В., Богданова Н. М. Прошедшее и непреходящее: соотношение категорий «Прошлое» и «Былое» в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 67–77.
7. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 31–64.
8. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. 285–312.
9. Николай Ф. «Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 119–136.
10. Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С. Управление прошлым и защита интересов государства // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 2 (59). С. 186–203.
11. Политов А. В. Феномен следа в философии Жака Деррида и его онтологическое истолкование // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 93–102.

12. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. № 21. С. 5–21.
13. Соколов Б. Г. Символизация прошлого: тотальный винтаж // STUDIA CULTURAE. 2015. № 24. С. 67–85.
14. Солнцев Н. В. Проблема понимания прошлого: герменевтический опыт // Учёные записки российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 77–85.
15. Чеканцева З. А. Эффект колеи в историческом исследовании и меняющиеся каноны профессии историка: практики выбора исследовательских стратегий // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 3. С. 5–16.
16. Швецов К. П. Воображаемое прошлое. О памяти и категории прошлого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2. С. 81–85.
17. Щербаков Д. А. Прошлое, которого нет, и прошлое, которое есть // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4 (165). С. 274–280.
18. Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* Chicago: Markham publishing company, 1971. 188 p.
19. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. 362 p.

REFERENCES

1. Bevernage B. ["The Pastness of the Past": Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of Historicist Pastness]. In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp. 65–94.
2. Bourdieu P. [Social space and symbolic power]. In: *THESIS*, 1993, iss. 2, pp. 137–150.
3. Burlina E. Ya., Naumova O. S., Grankina E. A. ["Citizen" as a transdisciplinary concept]. In: *Aspirantskii Vestnik Povolzh'ya* [Postgraduate Bulletin of the Volga Region], 2016, vol. 16, no. 7-8, pp. 17–19.
4. Vasileva Zh. V. [Vintage as a Reactualization of Cultural Heritage in the Fashion Industry]. In: "*Nauchnyi vestnik gumanitarno-sotsial'nogo instituta*" ["Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute"], 2019, no. 8. Available at: <http://science-gsi.ru> (accessed: 02.10.2021).
5. Goryacheva E. A., Lazebnaya K. P. [Consumption as a phenomenon of transmitting long-dated symbols. Points of Contact Between Pitirim Sorokin's Theory of the Symbolic and Rūgis Debray's Mediology]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. 14, no. 5, pp. 108–120.
6. Demin I. V., Bogdanova N. M. [The past and the eternal: correlation of categories "Past" and "Bygone in the context of M. Heidegger's existential analytics]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2014, no. 3, pp. 67–77.

7. Lorenz Ch. [Out of time? Some Critical Reflections on Francois Hartog's Presentism]. In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp. 31–64.
8. Malinova O. Yu. [Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics]. In: *Metod* [Method], 2019, no. 9, pp. 285–312.
9. Nikolai F. ["New Wars": Disappearance of the Future and/or Synchronization of Temporalities]. In: *Logos* [Logos], 2021, vol. 31, no. 4, pp. 119–136.
10. Nikolaichuk I. A., Yanglyaeva M. M., Yakova T. S. [Managing the past and protecting the interests of the state]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [Problems of national strategy], 2020, no. 2, pp. 186–203.
11. Politov A. V. [The phenomenon of the Trace in the philosophy of Jacques Derrida and its ontological interpretation]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of the Perm national research polytechnic university. Culture. History], 2016, no. 4, pp. 93–102.
12. Repina L. P. [Memory and knowledge of the past in the structure of identity]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2007, no. 21, pp. 5–21.
13. Sokolov B. G. [Symbolization of the past: total vintage]. In: *STUDIA CULTURAE*, 2015, no. 24, pp. 67–85.
14. Solntsev N. V. [The Problem of Understanding the Past: Hermeneutical Experience]. In: *Uchenye zapiski rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2009, no. 1, pp. 77–85.
15. Chekantseva Z. A. [Path Dependence, Politics of Time and Metamorphosis of History]. In: *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2020, no. 3 (50), pp. 5–16.
16. Shvetsov K. P. [Imaginary past: On memory and categorization of the past]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [The International Journal of Cultural Studies], 2013, no. 2 (11), pp. 81–85.
17. Shcherbakov D. A. [The past which doesn't exist and the past which exists]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2014, no. 4 (165), pp. 274–280.
18. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago, Markham publishing company, 1971. 188 p.
19. M. Bernhard, J. Kubik, eds. Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Oxford, Oxford University Press, 2014. 362 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.11.2021

Статья размещена на сайте: 20.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хабаров Илья Александрович – кандидат политических наук, руководитель Тамбовского областного государственного казённого учреждения «Аппарат Общественной палаты Тамбовской области»; e-mail: hia68@mail.ru

Ilya A. Khabarov – Cand. Sci. (Political Sciences), Head of the Tambov Regional State Treasury Institution "Office of the Public Chamber of the Tambov region"; e-mail: hia68@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хабаров И. А. Символический потенциал прошлого в процессе конструирования пространства: «It's not even past» (к вопросу активации системообразующих резервов) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Khabarov I. A. The symbolic potential of the past in the process of constructing space: "It's not even past" (on the issue of activating system-forming reserves). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru